

СЕРГЕЙ АЛЕШИН

ОФИС

ВТОРОЙ КОНТУР

Сергей Алёшин

Офис. Второй контур

<https://litres.ru/74525494>

SelfPub; 2026

Аннотация

За дверью, которую команда Алины открыла в конце первой истории, находится транспортный узел. Здесь решение на экране меняет маршруты автобусов, движение грузов и работу людей, которые даже не знают об Офисе.

Алина начинает видеть то, чего не замечают другие, слышать далёкие голоса и чувствовать следы событий раньше, чем о них сообщают приборы. Новые способности помогают предотвращать ошибки. Пока однажды все пять чувств не указывают на опасность, которой нет.

Теперь Алине и её друзьям придётся выяснить, кто направляет их восприятие и как защитить людей, когда нельзя полностью доверять даже себе.

Продолжение романа «Офис».

Содержание

Пролог	4
Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	21
Глава четвёртая	28
Глава пятая	35
Глава шестая	42
Глава седьмая	49
Глава восьмая	55
Глава девятая	61
Глава десятая	68
Глава одиннадцатая	74
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Сергей Алёшин

Офис. Второй контур

Пролог

Пять свидетельств

Дым я увидела раньше, чем автобус подъехал к платформе.

Тонкая серая полоса выходила из-под днища и тянулась вдоль мокрого асфальта. Водитель ещё сдавал назад, глядя в зеркало. У дверей собрались пассажиры с сумками, женщина удерживала за капюшон мальчика, который пытался заглянуть в салон.

Я подняла руку.

— Не открывайте двери.

Водитель не услышал. Между нами проехала тележка с багажом, и дым на секунду скрылся за её высоким бортом. Когда тележка миновала автобус, я уже не видела полосы.

Зато слышала треск.

Короткий, сухой, как звук испорченного выключателя. Потом ещё один. Он шёл от задней части машины, где находился моторный отсек.

Я позвала дежурного по платформе. Он посмотрел на автобус и потянулся к рации. В этот момент запахло нагретым пластиком.

— Отведите людей, — сказала я.

— Что случилось?

Я могла назвать три причины. Ни одну не знала точно.

— Возможное возгорание. Сначала отведите людей.

Он передал водителю команду заглушить двигатель. Пассажиры отступали неохотно: до отправления оставалось шесть минут, а на табло продолжал гореть зелёный номер рейса. Женщина с мальчиком спросила, будут ли возвращать багаж. Я ответила, что пока ничего не решено.

Металлический вкус появился, когда я подошла к заднему колесу. Во рту ничего не было, но язык всё равно чувствовал старую монету, словно она лежала под ним.

Я присела, чтобы заглянуть под автобус, и положила ладонь на асфальт. От него шёл жар. После утреннего дождя покрытие ещё должно было быть холодным.

Пять чувств не говорили мне, что делать. Но все указывали на одно место.

Вокруг задвигались люди. Дэн помогал дежурному освободить соседнюю платформу. Яна уводила пассажиров за разметку и проверяла, не остался ли кто в салоне. Павел записал время и попросил водителя не открывать моторный отсек до приезда пожарных.

Я ничего не ускоряла. Ни минуты, ни человека. Только

повторяла то, что заметила.

Пожарные приехали через четыре минуты.

Один из них прошёл вокруг автобуса с тепловизором, второй открыл отсек. Они осмотрели проводку, колёса и багажное отделение. Водитель стоял рядом, держа ключи в руке.

— Нагрева нет, — сказал пожарный.

— Я видела дым.

— Отсюда?

Я показала место под задним колесом. Он наклонился, провёл перчаткой по сухому металлу и посмотрел на прибор ещё раз.

— Здесь холоднее, чем на другой стороне.

Треск больше не повторялся. Запах исчез. Асфальт под ладонью был мокрым и прохладным. Даже вкус металла ушёл, оставив во рту обычную горечь недопитого кофе.

— Возможно, с соседней полосы нанесло, — сказал пожарный.

Я посмотрела туда. Полоса была пустой.

Рация Дэна заговорила у меня за спиной. Я услышала только последние слова:

— ...контейнера нет.

Мы побежали к погрузочному двору. Ворота склада стояли открытыми. На площадке, где двадцать минут назад находился контейнер с медицинским оборудованием, остался прямоугольник более светлого бетона.

Камеры показывали, как груз вывезли по правильному

маршруту. В системе стояли подписи двух сотрудников, номер машины и разрешение нашего Офиса.

Оба сотрудника в это время помогали выводить пассажиров от автобуса.

Павел прокрутил запись назад. На экране я увидела себя у платформы. Я показывала водителю, куда отступить, и на секунду повернула голову в сторону ворот.

Туда, где контейнер уже двигался мимо охраны.

Я не заметила его.

Пять чувств сообщили об опасности, которой не было. И ни одно не сообщило о том, что происходило у меня на глазах.

Глава первая

После перехода

Через три месяца после открытия перехода мы всё ещё говорили «соседнее здание».

У него были адрес, охрана и вывеска транспортно-распределительного центра. Из окон нашего отдела были видны автобусы, которые подъезжали к платформам, и фургоны у погрузочных ворот. Но назвать здание своим означало бы признать, что между ним и Офисом действительно есть дверь.

Дверь больше не исчезала.

Мы проверяли её по очереди, пока Павел не попросил прекратить. Он составил журнал: дата, время, кто проходил, что было видно с обеих сторон. Через месяц все строки выглядели одинаково. Переход существовал утром и вечером, в дождь и в выходные. Иногда постоянство тревожило сильнее, чем исчезновение.

В понедельник руководитель положил на общий стол пять временных пропусков.

— Сегодня знакомимся с работой центра, — сказал он. — Без самостоятельных проверок, без перемещения грузов и без решений за местных сотрудников.

— Значит, просто экскурсия? — спросил Дэн.

— Если хотите назвать это так.

Павел перевернул пропуск. На обороте мелким шрифтом значилось: «Доступ к совместному контуру».

— Экскурсия с полномочиями, — сказал он.

Руководитель раздал пропуска каждому лично.

На четвёртый этаж мы поднимались пешком. Лифт оставался там уже несколько недель, но Яна сказала, что перед первым официальным проходом хочет чувствовать ступени под ногами. Никто не спорил.

В переходе пахло стеклом, пылью и влажным железом. Под нами находился двор: с одной стороны выезжали грузовики, с другой медленно ползли автобусы. На уровне улицы их потоки разделяла ограда. Сверху было видно, как часто они зависели друг от друга. Один опоздавший грузовик задерживал въезд автобуса. Автобус, занявший поворот, не давал подвезти груз к воротам.

Раньше на наших картах это были разные заявки.

Лида показала нам одну из них на своём планшете. Машина с холодильной установкой получила разрешение на въезд до полудня. В нашей системе строка была зелёной: документы проверены, время согласовано. Здесь под ней стояло красное замечание: место разгрузки занято до двенадцати двадцати.

— Почему не перенести въезд? — спросила я.

— Потому что водитель уже восемь часов за рулём. У него

перерыв в двенадцать. После него груз примет другая смена, и препараты проведут лишний час в машине. Холодильник выдержит.

Она позвонила кладовщице и договорилась оставить свободным один узкий проезд. Затем попросила водителя не подъезжать к воротам раньше её сигнала. На карте изменились два времени, однако наш зелёный статус остался прежним.

— Если бы мы видели ваше замечание, могли бы предложить другое временное окно, — сказал Павел.

— Если бы мы видели, что ваш статус уже окончательный, не пытались бы двадцать минут искать того, кто может его изменить.

Она сказала это без упрёка. Я смотрела на зелёную строку и впервые понимала, сколько действий она скрывает после слова «согласовано».

— Сколько людей здесь работает? — спросила я.

— В здании или во всей цепочке? — уточнил Павел.

Он уже открыл блокнот.

— Хороший вопрос.

Её звали Лида. Она отвечала за пассажирские платформы и говорила быстро, но после каждого объяснения давала нам время посмотреть самим.

На первом этаже находился автовокзал. Табло отправления, автоматы с водой, ряд сидений у окон. По коридору спешили люди с детьми и чемоданами. Сзади здания работа-

ла погрузка: отдельный въезд, несколько складов и холодные помещения для лекарств и продуктов. Выше располагались диспетчерские, где согласовывали движение автобусов, грузовиков и машин, перевозивших срочное оборудование.

У платформы номер шесть пожилой мужчина предъявил Лиде билет на автобус, который уже уехал. На электронном табло отправление стояло через четыре минуты. Лида проверила билет и объяснила, что рейс был дополнительным, а следующий автобус отправляется с той же платформы. Мужчина показал экран телефона: там было другое время и другой номер машины.

— Я не придумал, — сказал он.

— Вижу, — ответила Лида. — Давайте найдём, откуда взялись два расписания.

Она попросила коллегу проводить его к свободному месту, пока мы проверяли запись. В нашей системе дополнительный рейс значился отменённым, но в пассажирском приложении отмена не прошла. Никто не менял время нарочно. Два отдела получили разные версии одного решения, и мужчина оказался единственным человеком, который держал обе одновременно.

Дэн связался с нашим дежурным. Лида нашла место в автобусе, который ещё стоял на соседней платформе. Мужчина уехал позже обещанного, зато ему не пришлось покупать новый билет.

— Можно исправить табло? — спросила я.

— Можно. И проверим остальных, кому пришло старое сообщение, — сказала Лида. — Табло он увидел только здесь.

На её экране было семнадцать проданных билетов на отменённый рейс. Шестнадцать человек ещё не приехали.

Мы помогли прозвонить их до того, как кто-то успел встать у пустой платформы. Я не делала ничего необычного: читала имена, проверяла номера и ждала, пока человек повторит новый маршрут своими словами. Эта работа заняла больше времени, чем исправление ошибки в системе.

— Вы выдаёте разрешения, — сказала Лида, когда мы остановились у большого окна. — А мы потом объясняем водителю, куда с этим разрешением ехать. Иногда объяснение занимает больше времени, чем поездка.

— Иногда мы выдаём разрешение, когда машина уже у вас, — сказал Дэн.

— Мы заметили.

Они улыбнулись друг другу, как люди, давно разговаривающие через чужие ошибки.

Яна остановилась возле двери с красной полосой.

— Здесь выход на платформы?

— Только для сотрудников. Пассажирский — дальше, за кассами.

— А если за кассами будет тесно?

Лида указала на две дополнительные двери. Те были закрыты, но проход к ним оставался свободным. Я невольно

посмотрела на схему эвакуации. На ней двери тоже были.

Это должно было успокаивать. Вместо этого я вспомнила первую схему в Офисе, где переход появился раньше, чем мы его нашли.

У поста диспетчера мы увидели пятерых сотрудников за длинным столом. Один разговаривал с водителем, не повышая голоса. Женщина у окна смотрела на карту задержек. Ещё двое спорили о времени прибытия грузовика. Пятый, мужчина в светлой рубашке, стоял немного в стороне.

Я узнала его не по лицу.

В день, когда открылся переход, он смотрел на карту, которую мы не видели, и сказал что-то остальным. Они сразу начали действовать, не дожидаясь команды.

Теперь он держал в руке обычный планшет. На экране были маршруты, на груди — именной пропуск.

Матвей Орлов.

Он поднял голову и посмотрел на нас так, будто мы приехали ровно по расписанию.

За его столом стояли пять чашек. Одна давно остыла, вторая была пустой, возле третьей лежал лист с нарисованным от руки поворотом. Матвей убрал лист под планшет, освобождая место для наших пропусков. Я успела увидеть, что на рисунке два корпуса соединены линией на уровне четвёртого этажа.

— Мы уже есть у вас на схеме? — спросила я.

— Теперь да.

Он не сказал, когда эту схему составили. Лида тем временем получила новый звонок и ушла к платформам. Пятеро за столом не повернулись вслед за ней, но женщина у окна передвинула один значок на карте. Кто-то из них уже знал, какое дело Лида возьмёт на себя.

— Проход открыт, — сказал он. — Значит, пора познакомиться с тем, что по нему проходит.

Я посмотрела на стеклянный коридор за его спиной. По нему пока не двигалось ничего, кроме людей.

Матвей заметил мой взгляд.

— Решения, — уточнил он.

Глава вторая

Пятеро

Матвей не повёл нас в переговорную.

— Там всё выглядит понятнее, чем работает, — сказал он и остановился возле стены с табло.

На карте центра двигались маленькие прямоугольники. Синие обозначали автобусы, белые — грузовые машины, жёлтые — срочные отправления. Иногда значок стоял на месте, а время рядом с ним менялось. Иногда время не менялось, хотя машина уже ехала.

— Какие из них неправильные? — спросил Матвей.

Павел приблизился к экрану.

— Пока нельзя определить. Нужен источник данных.

— Вот поэтому они и работают вместе.

Он назвал коллег, не приписывая им способностей. Лида отвечала за пассажирские потоки. Марат знал водителей и мог по короткому разговору понять, когда маршрут на бумаге расходится с реальной дорогой. Софья следила за грузами и условиями хранения. Тихая женщина по имени Вера сверяла документы с физическим движением машин. Матвей соединял их сведения и распределял решения.

— Значит, вы руководитель? — спросила Яна.

— Нет. Если я ошибусь, они должны иметь возможность меня остановить.

Павел посмотрел на него с заметным интересом.

Через две минуты выяснилось, что Матвей и сам умеет останавливать других. Система назначила автобусу девятую платформу, но Лида уже направляла его на седьмую. Матвей поднял ладонь.

— Девятая свободна по табло, — сказала она.

— А по факту?

Лида обернулась к окну. У девятой платформы стояла машина уборки. Она занимала всего край проезда, однако автобусу пришлось бы разворачиваться рядом с очередью пассажиров.

— Седьмая, — подтвердила Лида и поправила запись.

— Вы знали про машину? — спросила я Матвея.

— Марат слышал её по рации. Я запомнил, что девятая свободна только для людей.

Это было хорошее объяснение. После Офиса я научилась замечать, как редко люди дают хорошие объяснения сразу.

Мы провели у карты почти час. Центр не был аккуратным продолжением наших рабочих таблиц. Разрешённый груз мог не попасть в машину из-за сломанного погрузчика. Правильно назначенный автобус оказывался бесполезен, если половина пассажиров стояла у другой двери. Срочное оборудование приезжало вовремя и лежало на складе, пока

никто не решался снять пломбу.

Вера открыла запись о контейнере с диагностическими наборами. По документам его должен был забрать водитель, который сегодня не выходил на смену. Система предложила замену: тот же автомобиль, тот же уровень допуска, другой человек за рулём. Софья не разрешила выдачу.

— Машина подходит, — заметил Дэн.

— Водитель не знает, где находится контрольная пломба, — сказала Софья.

Марат позвонил ему. Оказалось, замену сообщили только по телефону. Водителю дали ключи и адрес, но не передали инструкцию по температурной записи. Пока он разыскивал старшего смены, срок отправки сокращался.

Матвей посмотрел на карту.

— Если ждать прежнего водителя, опоздаем. Если отпустить этого сейчас, потеряем подтверждение условий перевозки. Что можно сделать без обоих рисков?

Никто не ответил сразу. Вера распечатала лист передачи. Софья спустилась к машине и показала пломбу новому водителю. Дэн вызвался остаться на связи, пока тот не отметит температуру на первом контрольном пункте.

Контейнер отправили с задержкой в девять минут.

— Значит, всё-таки можно было отпустить его сразу, — сказала я, когда точка на карте стала зелёной.

— Мы узнали это после разговора с ним, — ответил Матвей. — До разговора нельзя было.

Я вспомнила, сколько раз в нашем отделе слово «можно» появлялось только потому, что на экране уже горел зелёный статус.

Каждое решение имело вес, запах, очередь и человека, который потом нёс коробку.

В обед Лида отвела нас в столовую за складом. У входа стояли сотрудники в жилетах, водители и две женщины с билетами, решившие, видимо, что столовая тоже для пассажиров. Никто их не выгонял.

Я взяла суп. Он оказался слишком солёным. Яна сказала, что после нашего кофе любая настоящая еда должна считаться подарком. Павел уточнил, что соль от этого не исчезает.

Матвей сел напротив меня.

— На другой стороне вам удавалось замечать изменения раньше приборов, — сказал он.

Я поставила ложку.

— Иногда. Не всегда правильно.

— Здесь это полезно, если не действовать одной.

Он произнёс условие так, будто оно давно входило в его работу. Мне захотелось согласиться прежде, чем я поняла, о чём именно речь.

— Вы давно знаете о нашем отделе? — спросила я.

— О вашем здании — давно. О вас — с открытия прохода.

— Вы не удивились тогда.

— Удивился. Просто не показывал это.

Он попробовал суп и добавил соль, не глядя на солонку.

Павел спросил, можно ли увидеть журнал совместных решений. Матвей сразу позвал Веру. Она принесла распечатку: дата, источник сигнала, кто подтвердил, кто имел право отмены. Отдельной колонкой шли последствия, в том числе те, что появились на следующий день.

— Похоже на нашу таблицу, — сказала Яна.

— У нас не было столбца «кто получил выгоду», — заметил Павел.

Матвей кивнул.

— Добавили после одного очень удачного решения.

Он не объяснил какого. Вера взглянула на него и перевернула страницу так, чтобы нам было видно только последние записи. Я заметила это, но не стала спрашивать. В чужом отделе не каждая пауза означает тайну.

В последних строках одна фамилия повторялась чаще остальных: Орлов. Он подтверждал вопросы о маршрутах, разгрузке и замене людей, даже когда первым сигнал приходил от другого сотрудника. Рядом стояли отметки об отмене, оставленные коллегами. Значит, они действительно могли остановить его решение. Но почти в каждой такой строке позднее значилось: «Возобновлено после уточнения».

Павел тоже это заметил.

— Часто приходится возвращаться к прежнему варианту?

— Чаще, чем нам нравится, — сказала Вера.

Матвей не стал спорить. Он взял распечатку и показал случай, когда после остановки маршрут изменили полно-

стью. Там опоздали три машины, зато ни одна не попала на дорогу, которую размыло дождём.

Это был хороший пример в пользу его процедуры. Павел записал номер, чтобы позже запросить полный журнал. Я не знала, зачем мне стало важно, что Матвей сам выбрал строку, которую мы увидели.

После обеда мы вернулись к окну диспетчерской. Внизу автобус с пассажирами стоял у шлагбаума, пропуская фургон. На табло оба шли вовремя.

Матвей подошёл и встал рядом.

— Видите проблему?

— Они мешают друг другу.

— Пока нет. Оба успевают.

— Тогда что я должна увидеть?

— Ничего. Мне важно, можете ли вы на это согласиться.

Фургон проехал. Автобус двинулся следом. Никакого скрытого маршрута не появилось, время не исчезло.

Я почти улыбнулась.

Потом заметила, что на табло автобус был нарисован двумя прямоугольниками: один находился у шлагбаума, второй уже выехал на улицу.

Пока я искала, какой из них настоящий, второй исчез.

— Система обновляется с задержкой, — сказал Матвей.

Я не успела задать вопрос. Он уже смотрел туда же, куда смотрела я.

Глава третья

Линии

Во вторник я увидела над автобусами линии.

Они не висели в воздухе, как нарисованные маршруты. Скорее, моё внимание продолжало движение каждой машины за пределами того, что было видно из окна. Линия поворачивала вместе с автобусом, проходила через ворота и исчезала на улице. Если я отводила взгляд, она оставалась на секунду, а потом таяла.

Я не сказала Матвею.

После истории с двумя прямоугольниками мне хотелось сначала проверить хотя бы то, что можно проверить.

Я взяла распечатанное расписание и встала у окна. Первый автобус выехал с платформы, повернул направо. Линия ушла за ним. Через три минуты диспетчер отметил выезд. Со вторым было то же самое.

Третья линия свернула не туда.

Автобус ещё стоял на месте. На лобовом стекле был номер междугороднего рейса. По расписанию он должен был выехать через южные ворота, но тонкий светлый след от его переднего колеса уходил к северному проезду.

Я проверила табло. Южные ворота были открыты.

— У этого автобуса другой выезд? — спросила я Лиду.

— Нет. Южный.

— Можешь уточнить у водителя?

Она взглянула на часы.

— Через семь минут он сам проедет мимо поста.

Я не могла объяснить, почему семь минут казались долгими. На северном проезде шёл ремонт: там стояли ограждения, но место для одного автобуса оставалось. Дальше дорога выводила к перекрёстку, где грузовики разворачивались к терминалу.

— У меня есть повод спросить раньше? — сказала Лида.

Это был знакомый вопрос. Не «ты уверена?», а «что мы можем сделать, не назначая твоё ощущение фактом?»

— Неправильный выезд не ошибка, пока автобус стоит. Проверка маршрута перед отправлением входит в процедуру?

— Входит.

Она позвонила водителю.

Тот ответил, что знает дорогу. Через минуту позвонил снова: навигатор в кабине почему-то предлагал северные ворота. Водитель собирался следовать ему, потому что южный выезд на его экране был перекрыт.

Марат подошёл к окну и показал нам сообщение о ремонте. Перекрывали не южный выезд, а часть дороги после северного. Названия двух объектов были похожи, и навигатор

применил ограничение не к тому участку.

Лида передала водителю исправленный маршрут. Линия перед автобусом дрогнула и повернула к южным воротам.

Я сжала край расписания.

— Ты заметила до звонка? — спросил Матвей.

Он стоял за моей спиной. Я не услышала, как подошёл.

— Я заметила направление. Оно могло означать что угодно.

— Поэтому вы спросили Лиду.

— Поэтому она проверила маршрут.

Мне было важно оставить действие ей.

Матвей посмотрел на автобус. Тот выехал правильно, и светлая линия истончилась до обычного следа шин на мокром асфальте.

— Хорошая последовательность, — сказал он. — Сигнал, вопрос, независимая проверка, действие.

Павел записал её почти дословно.

В течение дня линии появлялись ещё дважды. Над тележкой с коробками след вёл к холодному складу, хотя грузчик направлялся в обычный. На коробках действительно стояла отметка о температуре. Я не успела вмешаться: Софья остановила его сама.

Второй след тянулся от человека с чемоданом к закрытой служебной двери. Я предупредила охрану, но пассажир просто искал туалет и ошибся коридором. Охранник показал дорогу, не спросив у него документов.

Позже я встретила пассажира возле автомата с водой. Он узнал меня и отвёл глаза. Я остановилась.

— Извините. Я попросила охранника проверить коридор, потому что дверь служебная.

— Я понял. Он вежливо объяснил.

— Но вам было неприятно.

Мужчина пожал плечами.

— В чужом городе за мной однажды уже ходили из-за того, что я не туда повернул. Привычка остаётся.

Я не нашла ответа, который исправил бы это. Он взял бутылку, и мы разошлись. Линия привела меня к настоящей двери, но ничего не сказала о человеке. Ошибкой было не наблюдение, а история, которую я успела построить вокруг него.

Я вернулась на пост и попросила Лиду показать запись камеры. Пассажир действительно несколько раз оглядывался на указатели. На четвёртом повороте он прошёл мимо таблички «Туалет», которую заслоняла открытая створка автомата с билетами.

— Поставим указатель выше, — сказала Лида.

На следующий день этой линии могло не быть без всякого изменения в моей способности.

Оба раза линия исчезла после объяснения. Я не знала, видела ли намерение, возможную ошибку или лишь путь, о котором сама подумала первой.

К концу смены я снова поднялась к окну диспетчерской.

Там, где утром едва различались направления отдельных машин, теперь пересекалось столько следов, что улица казалась покрытой светлой сеткой. Я закрыла один глаз. Сетка осталась. Закрыла оба — ещё несколько секунд знала, где находятся ворота, автобус и женщина с тележкой за стеной.

— Болит? — спросила Софья.

— Что?

— Голова. Вы весь день смотрите вниз, даже когда стоите спиной к окну.

Я только тогда почувствовала напряжение в шее. Софья выключила большой экран. Линии не исчезли, но отдельные маршруты перестали складываться в одну картину. Я смогла различить шум вентиляции и собственное дыхание.

— Я думала, экран мешает тебе видеть, — сказала она.

— Возможно, он помогал выбирать, куда смотреть.

Софья включила его обратно, чтобы продолжить работу. Сетка снова собралась. Я ушла от окна прежде, чем узнала, можно ли увидеть в ней сразу весь город.

Вечером в нашем Офисе очередь обращений была обычной. Яна разбирала доступы, Дэн говорил с перевозчиком, Павел сравнивал два журнала. Через окно центра автобусов уже не было видно, но я всё ещё ощущала их направления, как иногда после поездки чувствуется движение поезда под ногами.

— Ты сегодня довольна, — сказала Яна.

— Мы исправили маршрут.

— И никто не предложил тебе стать главным по организации маршрутов?

Я посмотрела на неё. Она не знала о разговоре с Матвеем за обедом.

— Пока нет.

Яна положила передо мной металлическую скрепку. Обычную, не разогнутую.

— Тогда запиши, что именно увидела. Не только то, чем это закончилось.

Я взяла лист и нарисовала автобус, ворота, северный проезд и линию. На рисунке она выглядела слишком определённой. В памяти линия была тоньше и менялась, пока я смотрела.

Павел подошёл проверить запись.

— Почему здесь два северных поворота?

Я посмотрела на лист. Действительно, от автобуса отходили две линии. Одна вела к ремонтируемой дороге, другая — к грузовому двору.

— Не помню, чтобы рисовала вторую.

— Может, рука повторила движение.

Он не зачеркнул лишнюю линию. Провёл вокруг неё рамку и подписал: «Происхождение не установлено».

Перед уходом я снова посмотрела в сторону второго здания. На стеклянном переходе отражались лампы нашего отдела. Между ними на мгновение появилась тонкая светлая черта. Она шла не из нашего здания в соседнее, а обратно.

Я моргнула. Остались только лампы.

В журнал я внесла её отдельной строкой. Не как маршрут и не как предупреждение.

Просто то, что увидела.

Глава четвёртая

Пассажирка

В среду с утреннего рейса пропала пассажирка.

Сначала никто не называл это исчезновением. Женщина могла передумать, выйти через другую дверь, пересесть в чужую машину. Автовокзал был достаточно большим, чтобы в нём потерять человека на несколько минут.

Её звали Ирина Резник. У неё был билет до Лесного, место четырнадцать. В проходную над платформой она вошла с бумажным пакетом и красным шарфом в руке. Приложила билет к считывателю, подождала зелёного сигнала и поднялась в автобус.

Дальше она никуда не пошла.

Это заметили, когда из Лесного позвонила её дочь. Мать обещала приехать к одиннадцати и перестала отвечать на телефон. В системе билет значился использованным. Маршрут показывал, что пассажирка доставлена.

Но автобус в Лесной ещё не выехал. Его задержали у терминала из-за неисправного стеклоочистителя.

— Ошибка в отметке прибытия, — сказала Лида. — Человек, скорее всего, на вокзале.

Мы проверили туалеты, кассы, маленькое кафе и зал ожидания. Дэн обзвонил водителей, которые в это время стояли рядом. Никто не помнил красный шарф. Водитель её рейса утверждал, что на четырнадцатом месте с утра лежала забытая куртка.

Куртка там действительно лежала. Мужская, без документов в карманах.

— Кто её оставил? — спросила я.

— Вчерашний рейс, наверное, — ответил водитель.

Лида вызвала уборщицу. Та сказала, что утром проверяла салон и куртки не видела. В журнале уборки её подпись стояла напротив этого автобуса.

Павел расположил свидетельства в две колонки. В одной Ирина вошла в автобус. В другой её там не было. Когда он попытался добавить время, система перенесла отметку о прибытии на вчерашний день.

— Вы видели, как она вышла из дверей? — спросил он охранника.

— Видел, как поднялась по ступенькам.

— Это конец записи камеры. Я спрашиваю вас.

Охранник помолчал.

— Я смотрел на дверь, пока она не закрылась. Но не могу вспомнить, видела ли я саму женщину после первого шага.

Он произнёс «видела», нахмурился и поправился:

— Видел. Странно.

Яна попросила его сесть и перестала задавать вопросы.

Взгляд у него был рассеянным, будто он одновременно слушал два разговора, ни один из которых не шёл здесь.

Я вышла к автобусу. На мокром покрытии от колёс тянулись следы, обычные тёмные полосы. Между ними я увидела тонкую линию — такую же, как вчера. Она шла от двери автобуса к зданию, поднималась по фасаду и исчезала у стеклянного перехода.

Я прошла вдоль неё до края платформы. Дальше начиналась проезжая часть.

— Туда нельзя, — сказала Софья за спиной.

— Я знаю.

Я указала наверх. Она проследила за моим пальцем и увидела только стекло.

— Вы ищете её на четвёртом этаже?

— Я пока не знаю, что ищу.

Мы поднялись вместе. Переход был пуст. Софья открыла техническую кладовую, Павел проверил лестницы и лифт. На полу не было ни воды с улицы, ни следов обуви. Линия, которую я видела снизу, здесь не появлялась.

Матвей встретил нас у двери диспетчерской.

— Что случилось?

Лида пересказала ему известное, не используя слово «исчезла». Матвей внимательно выслушал и предложил проверить остановки на выезде из города.

— Автобус не выезжал, — напомнила я.

— Значит, и эта проверка закончится быстро.

Он не велел нам прекращать поиски. Наоборот, выделил Марата для звонков перевозчику. Но каждый его вопрос возвращал нас к объяснению, в котором Ирина уже находилась в другом месте.

К полудню её дочь прислала фотографию. На снимке Ирина стояла у домашнего окна и держала тот же красный шарф. На обороте билета, который дочь переслала отдельно, мать написала номер телефона на случай, если разрядится её собственный.

Дочь звали Оксана. Она говорила из Лесного, стоя у остановки, куда должен был прийти автобус. Сначала спрашивала только, на каком рейсе всё-таки едет мать. Когда Яна объяснила, что мы проверяем посадку, Оксана замолчала.

— У неё лекарства в бумажном пакете, — сказала она наконец. — Принимать после еды. Если телефон сел, пусть попросит чей-нибудь. Она знает мой номер наизусть.

— Мы передадим, когда найдём её, — ответила Яна.

Она не сказала «если». После разговора поставила перед собой стакан воды и долго к нему не прикасалась.

По просьбе Павла охрана выгрузила запись с камеры внутри салона. В 9:04 место четырнадцать было закрыто спиной водителя, который проверял багажную полку. В 9:05 там лежала куртка. Между кадрами не было пропущенных секунд. На другой камере Ирина в это время ещё поднималась по ступенькам.

— Две камеры с одним временем, — сказал Павел. —

Проверим, откуда они его берут.

Обе получали часы из одной сети. Я почти предложила считать это объяснением. Павел остановил воспроизведение и показал людей на соседних сиденьях. Девочка у окна наклонилась, пропуская кого-то в проход. Мужчина напротив поднял сумку с пола. Никто из них позже не вспомнил Ирину.

— Возможно, они пропускали другого пассажира, — сказал Павел.

— Возможно, — ответила я.

Он не стал стирать этот вариант. В распечатке рядом с ним оставил пустую клетку для имени. В автобусе было занято на одно место меньше, чем показал считыватель. Мы не знали, являлась ли эта пустота доказательством Ирины или причиной, по которой начали её искать.

Дэн позвонил. Ответила пожилая женщина. Она не знала Ирину и жила за двести километров отсюда. Номер был набран верно.

— Передайте дочери, что мы продолжаем искать, — сказала Яна.

Я ждала, что она добавит успокаивающее объяснение. Она не добавила.

В 13:16 телефон Ирины появился в сети. Сигнал шёл из нашего здания, с четвёртого этажа. Мы поднялись туда за несколько секунд.

На площадке никого не было. Переход освещался днев-

ным светом, дверь отдела восстановления стояла открытой. Телефон Дэна показывал ту же точку, хотя мы уже находились внутри неё.

Он набрал номер. Гудки прозвучали из его трубки и ещё откуда-то за стеной, так тихо, что я могла принять их за вентиляцию.

— Ирина, — сказала я. — Вы нас слышите?

В трубке щёлкнуло.

— У меня ещё утро, — ответила женщина.

— Где вы?

— В автобусе. Он никак не отправится.

Я увидела платформу через окно перехода. Автобус уже забрали в ремонтный двор. Вместо него стоял другой, пустой.

— Вы одна?

Она не ответила сразу. На другом конце послышался голос водителя, объявлявшего посадку.

— Здесь все, — сказала Ирина. — Только меня почему-то никто не видит.

Связь оборвалась.

На моём экране осталась длина разговора: ноль секунд.

— Я слышал её, — сказал Дэн.

— Я тоже, — ответила Софья.

Павел записал слова Ирины на бумаге, пока мы помнили их одинаково. Матвей посмотрел на дверь перехода, затем на часы.

— До завтра не выпускайте этот маршрут в работу, — сказал он.

— Завтра она будет там? — спросила я.

— Я не знаю.

Впервые за день ответ не пытался отправить Ирину куда-нибудь ещё.

Глава пятая

День, которого не было

Наутро меня разбудила белая кошка. Она сидела у изголовья и настойчиво трогала лапой мой нос.

Было 6:40. Мама собирала на кухне посуду, сестра напевала в ванной. Вчерашний звонок Ирины ещё оставался в памяти, и я первым делом проверила телефон.

Новых сообщений не было.

В рабочем чате Павел написал: «Проверим запись с четвёртого этажа до планёрки». Я ответила, что буду вовремя, покормила кошек и поехала в Офис.

У турникета охранник сообщил, что никакой записи за вчера нет. Дэн поднялся к камерам, Яна позвонила дочери Ирины. Мы собирались сравнить наши воспоминания с внешними следами, но из второго здания пришло сообщение: на утреннем рейсе сломался автобус.

— Поезжай к ним, — сказала Яна. — Я закончу разговор.

В центре под табло собрались пассажиры. Автобус стоял на выездной дороге с поднятой крышкой моторного отсека. Никто не пострадал, но обратно к платформе он вернуться не мог: за ним уже выстроились машины. До следующего

рейса оставалось больше часа.

— Резервный автобус? — спросила я Лиду.

— Один. Без подъёмника. В этом рейсе есть пассажирка на коляске.

— Второй?

— Ожидается поставка. С зимы.

На экране диспетчера значилось «средство замены доступно», но после нажатия открывалась пустая карточка. Матвей предложил отправить остальных резервным автобусом, а для пассажирки заказать отдельную машину.

— Это отнимет минимум сорок минут, — сказала Лида.

— Остальные не должны ждать.

Слова звучали разумно. Я почти согласилась, пока не увидела женщину у окна. Она разговаривала с мальчиком лет восьми, который сидел рядом и держал её куртку. Если отправить автобус без них, они окажутся не двумя пассажирами из списка, а семьёй, которой пришлось ждать отдельно.

— Сначала спросим её, — сказала я.

Женщину звали Марина. Она не хотела отдельную машину: в конечном пункте их встречал человек, который не смог бы ждать два разных прибытия. Мальчик боялся оставаться на автовокзале после того, как вокруг начали спорить.

Мы предложили пассажирам дождаться общего решения. Несколько человек возмутились. Один мужчина спросил, почему весь автобус зависит от одной женщины. Марина услышала и отвернулась к окну.

Я почувствовала желание заставить зал успокоиться. Оно отозвалось знакомым теплом в груди. Вместо этого попросила Лиду объявить точное время следующей проверки и указать, где можно взять воду.

— В 10:20 мы скажем, на чём вы едете, — объявила Лида.
— Сейчас у нас нет безопасного варианта для всех.

Она не обещала отправить автобус в 10:20. Люди слышали разницу. Одни сели, другие пошли за кофе. Мужчина, который спорил, остался возле табло и смотрел на часы.

Марат нашёл исправный автобус у другого перевозчика. Тот мог подъехать за двадцать пять минут, но въезд ему не был согласован. Наш Офис обычно оформлял такое разрешение за полчаса после заявки.

— Можем ускорить, — сказала я.

— Можем проверить, что именно нужно, — поправил Павел. Он уже стоял рядом с планшетом.

Я не заметила, когда он пришёл из нашего здания.

Вместе мы проверили водителя, страхование и посадочную платформу. В заявке был указан старый номер ворот. Исправление заняло четыре минуты. Дэн договорился с охраной, чтобы новый автобус не задержали при въезде.

— Странно, — сказал Павел, просматривая вложения. — Здесь номер поставки двух машин. Из будущего месяца.

— Не отвлекайся, — ответил Матвей. — Нам нужен один автобус сейчас.

Павел закрыл вкладку, но переписал номер на листок.

В 10:20 Лида сообщила пассажирам новый план. Они должны были вернуться к платформе. Марина проверила, подойдёт ли подъёмник, и впервые за утро улыбнулась мальчику.

Тогда я увидела Ирину.

Она сидела в третьем ряду с бумажным пакетом на коленях. Красный шарф лежал рядом. На секунду мне показалось, что я перепутала дни и рейсы.

— Ирина Резник? — спросила я.

— Да. Мы знакомы?

— Где вы были вчера?

Она посмотрела на меня с осторожностью, которой не было в её голосе по телефону.

— Дома. Что-то случилось?

Яна подошла прежде, чем я успела рассказать ей про звонок. Она тоже увидела Ирину и остановилась. Дэн повернулся к нам из дверей, узнал женщину по фотографии и достал телефон.

Я дотронулась до края сиденья. Ткань была шершавой. От бумажного пакета пахло яблоками. Ирина отвела его от моей руки.

— Простите, — сказала я. — Произошла путаница с билетами.

— Здесь всё время какая-то путаница.

Она отвернулась к мальчику Марины и спросила, куда они едут. Он ответил. Разговор был простым и потому особенно

трудно было решить, что в нём неправильно.

Дэн показал мне экран. В системе не было билета Ирины на сегодняшний день.

— Она с нами? — тихо спросил он.

— Я не знаю, что значит «с нами».

Вчерашняя Ирина исчезла, а сегодняшняя сидела перед нами. Если она была лишь изображением, то слышала каждое наше слово и могла испугаться. Мы не стали задавать вопросы при остальных.

Новый автобус приехал в 10:37. Подъёмник работал, но водитель не знал, где закрепляют коляску. Софья показала инструкцию и попросила его повторить крепление без пассажиров. Несколько человек снова пожаловались на задержку. На этот раз мужчина у табло сам объяснил им, что проверяют безопасность посадки.

Ирина вошла вместе со всеми. Считыватель не подал сигнала. Водитель посмотрел на список и пропустил её, решив, что устройство зависло.

Я хотела возразить, но Дэн остановил меня.

— Доедет — узнаем больше, — сказал он. — Здесь не оставим.

Я не была уверена, что его решение безопасно. Но оно было обратимым для пассажирки. Мы записали номер автобуса и попросили водителя сообщить о прибытии каждого, чей билет не распознался.

В 11:12 автобус выехал.

Остаток дня не стал спокойным. Мы искали старую заявку на новые машины, сверяли записи о вчерашнем рейсе и пытались дозвониться до дочери Ирины. Телефон отвечал голосом незнакомой женщины. Вчера мы с ней разговаривали, но теперь она утверждала, что дочери у неё нет.

К вечеру автобус прибыл. Марина с мальчиком вышли первыми. Водитель сообщил, что место Ирины было пустым после последней остановки. Никто не видел, где она вышла.

На рабочем экране появилась строка: «Все пассажиры доставлены». Под ней открылось письмо по старой заявке на поставку. Два автобуса могли прибыть раньше запланированного срока, если центр подтвердит, что готов принять и обслуживать их.

— Не трогайте пока, — сказал Павел. — Сначала сохраним письмо.

Он потянулся к принтеру.

В зале разом погасли все экраны.

Я успела услышать голос Матвея:

— Результат принят.

Белая кошка коснулась лапой моего носа.

Я лежала дома. Было 6:40. Из кухни доносился звон посуды, сестра напевала в ванной.

На телефоне стоял четверг. Рабочий чат заканчивался вчерашней записью Павла о камере. Моего ответа там не было.

Через несколько секунд пришло сообщение от Дэна:

«Не звони пока. Я всё помню».

Глава шестая

После второго утра

Я второй раз покормила кошек.

Белая смотрела на миску так, словно первой порции в её жизни не существовало. Для неё так и было. Я проверила пакет корма: он весил столько же, сколько вечером. На велосипедном замке стоял вчерашний код. Лист с номером поставки, который Павел держал в руке перед темнотой, не мог оказаться у меня.

Я всё равно проверила карманы.

В Офисе Дэн ждал у турникета. Он не подошёл сразу. Сначала посмотрел на часы и на моё лицо, будто сверял два возможных начала разговора.

— Лера звонила мне вчера вечером, — сказал он. — Во время того дня. Я обещал забрать дочь от подруги. Сейчас Лера говорит, что мы не созванивались.

— Ты помнишь её голос?

— Да. Поэтому мне хуже.

Он прошёл через турникет. Я не стала говорить, что звонок был ненастоящим. Мы пока не знали, что именно воспроизвёл этот день и откуда он взял детали чужой жизни.

Яна и Павел сидели в маленькой переговорной. Руководитель тоже был там; у него этот четверг начался впервые. Мы рассказали ему о сломанном автобусе, Марине с сыном, Ирине и поставке. Павел разделил лист пополам: «Запомнили вместе» и «Можно проверить сейчас».

— Автобус, который сломался, стоит на линии, — сказала Яна. — Я позвонила в центр. Поломки не было.

— У женщины с ребёнком мог быть другой рейс, — сказал руководитель.

— Я помню, как держала её куртку, пока крепили коляску, — ответила Яна. — Но не могу утверждать, что вчера существовала сама женщина.

Павел записал формулировку дословно.

Я спросила, видели ли они Ирину. Все трое кивнули. Павел помнил яблоки в её пакете, Дэн — как водитель пропустил её без билета, Яна — что шарф лежал слева от неё на сиденье.

— Четыре свидетеля, — сказала я.

— Один общий день, — возразил Павел. — Мы не знаем, был ли у него отдельный источник для каждого из нас.

Матвей вошёл после короткого стука. Узнав, о чём мы говорим, он не удивился.

— У вас уже было такое? — спросила я.

— Здесь бывали совместные проверки. Ни одна не началась по расписанию.

— Кто запускал вчерашнюю?

— Если бы знал, остановил бы до пассажиров.

Я посмотрела на него. Перед тем как всё погасло, он сказал: «Результат принят». Матвей выслушал меня и потёр переносицу.

— Помню эту фразу. Не помню, почему сказал.

— Вы знали, что день закончится?

— Я понял за секунду до конца.

Он мог говорить правду. Эта возможность раздражала сильнее готового обвинения.

Мы поднялись во второе здание и проверили старую заявку. Она существовала. Две машины действительно закупили несколько месяцев назад. Поставка застряла после изменения требований к обслуживанию подъёмников: центр не отправил подтверждение, что у него есть обученные сотрудники и место для проверки оборудования при приёмке.

В смоделированном дне мы проверяли подъёмник на чужом автобусе. Теперь знали, какие вопросы задать. Но это знание не делало нашу площадку готовой.

— Можем оформить подтверждение сегодня, — сказал Матвей.

Софья покачала головой.

— Сначала нужен человек, который сможет показать приёмку. Мы вчера видели инструкцию, а сегодня он её не видел.

Матвей уступил ей стол. Мы связались с поставщиком и попросили прислать требования в письменном виде. Затем

Лида проверила, свободен ли въезд для новых автобусов, Вера нашла старый договор на обслуживание, а Марат договорился об обучении двух механиков.

К двум часам у нас был план. Не два новых автобуса.

Поставщик ответил, что после подтверждения приёмки сможет перенести отправку на более раннюю дату. Никакого обещания «скоро будут у вас» в письме не было.

— Вчера письмо было увереннее, — сказала Яна.

— Вчера мы уже выполнили половину работы, — ответила Софья. — Сегодня только начали.

Я вспомнила, как в том дне люди ждали на платформе, спорили, пили воду, смотрели на часы. Если пространство хотело научить нас принимать новые машины, зачем ему понадобилось заставлять нас прожить чужое ожидание?

— Кто были пассажиры? — спросила я Матвея.

— Возможные люди для возможного дня.

— Откуда взяли их голоса и лица?

— Этого я не знаю.

— А звонок жены Дэна?

Матвей посмотрел на него. Дэн стоял возле двери и не поднимал глаз.

— Это уже другой вопрос, — сказал Матвей.

— Нет, — ответил Дэн. — Для меня тот же.

Мы вернулись на четвёртый этаж. Руководитель попросил не запускать новые совместные проверки, пока не поймём, можно ли их остановить. Матвей напомнил, что он не запус-

кал и эту.

— Тогда правило на случай, когда день начнётся без нашего согласия, — сказала Яна.

Мы написали на листе три строки: проверять, кого можно защитить сейчас; не считать общую память независимым доказательством; не переносить решение из смоделированного дня без повторной проверки в настоящем.

Павел добавил четвёртую: «Записывать границу завершения». Вчерашний день остановился после отметки о доставке всех пассажиров, хотя Ирина, возможно, так и не добралась до места. Система посчитала задачу выполненной, не выяснив, кого именно считала пассажиром.

— Значит, она могла оставить человека за пределами результата, — сказала я.

Никто не ответил.

В 16:40 охрана позвонила Лиде. На пассажирской платформе стояла женщина без действительного билета и просила найти нас.

Ирина Резник ждала возле закрытого автобуса с бумажным пакетом в руке. Шарф был повязан на шее. Яна первая спросила, нужна ли ей вода.

— Я не из-за воды, — сказала Ирина. — Вчера вы посадили меня в автобус, а потом оставили на остановке.

В реальности вчера её автобус не выехал. В смоделированном дне она сидела в салоне и исчезла до прибытия.

— Вы помните женщину с мальчиком? — спросила я.

— Конечно. Он всё время спрашивал, сколько осталось ехать.

Ирина взглянула на Дэна.

— А вы сказали водителю, что проверите каждого на последней остановке.

Дэн ничего не ответил. Именно это он и говорил в том дне.

Лида принесла кресло. Мы не стали расспрашивать Ирину стоя, посреди платформы. Её билет на вчерашний рейс был у неё в кармане. На обратной стороне стоял штамп о прибытии сегодняшним числом, в 11:12.

— Где вы проснулись утром? — спросил Павел.

— На остановке после последнего поворота. Я решила, что заснула и все уехали. Потом услышала посадку и оказалась здесь. Но телефон показывает, что вчера ещё не закончилось.

Телефон Ирины действительно показывал среду. Мой — четверг.

Я поднесла свой телефон к её экрану, не пытаясь исправить дату. В отражении стеклянной двери платформы за Ириной стояли люди из вчерашнего автобуса. Я обернулась.

За её спиной никого не было. Ирина по-прежнему стояла рядом и держала бумажный пакет обеими руками.

Когда я снова посмотрела на стекло, отражения пассажиров исчезли. Отражение Ирины осталось, но теперь она смотрела не на нас, а в сторону пустой дороги.

— Мне нужно к дочери, — сказала она. — Она ждёт у

остановки.

Со стороны закрытого автобуса прозвучал сигнал отправления. На миг я увидела тонкую линию, которая шла от ног Ирины сквозь автобус и дальше, за ворота. Ирина сделала шаг вдоль неё. Я потянулась, чтобы удержать её, но пальцы коснулись только холодного воздуха.

На платформе остались мы и билет в руках Павла. Было 16:44.

Дэн набрал Оксану. Та ответила не сразу: помогала матери донести пакет до машины. Ирина стояла рядом с ней в Лесном и спрашивала, почему мы снова звоним.

Павел перевернул билет. Рядом с отметкой о посадке появилась вторая: «Прибытие. Четверг, 16:44».

Автобус из того дня доставил её туда, куда обещал. Только не по дороге, которую мы могли проверить.

Глава седьмая

Билет

В пятницу утром дочь Ирины согласилась поговорить с нами по видеосвязи.

Ирина сидела дома у окна. Красный шарф висел на спинке стула, бумажного пакета я не увидела. Она выглядела усталой и злилась на себя за то, что вчера не спросила, каким образом оказалась в Лесном.

— Я просто увидела Оксану, — сказала она. — А потом вы позвонили, и все стали спрашивать, как я добралась.

Оксана подтвердила, что мать появилась возле остановки в четверг в 16:44. За минуту до этого она проверяла расписание. Автобус из нашего центра там не значился. Ни один другой не подъезжал.

— Вы же нашли её, — сказала Оксана. — Зачем теперь выяснять, каким рейсом?

Она спрашивала без грубости. Я не могла ответить, что мы хотим разобраться в свойствах пространства, которое на сутки потеряло её мать. Для Оксаны это была не загадка, а день, проведённый возле телефона.

— Чтобы такое не повторилось, — сказала Яна.

Ирина вспомнила нашу встречу на платформе. Вспомнила, как дала Павлу билет, но не могла назвать цвет автобуса, в котором провела почти весь второй день. Когда я спросила про Марину и мальчика, она сразу описала их одежду.

— Людей помню. Автобус — нет.

Мы закончили разговор, прежде чем она устала окончательно. Павел обещал не звонить без нового обстоятельства, касающегося её безопасности. Это было его предложение, и я обрадовалась, что не мне пришлось его произносить.

Оксана позже прислала две фотографии со своего телефона. На первой была средовая переписка с матерью: «Села. Не волнуйся». Следом шли шесть исходящих звонков без ответа. На второй те же сообщения располагались уже перед четверговым звонком от Дэна, хотя Оксана уверяла, что ничего не удаляла и не переносила.

— Ты специально сняла оба экрана? — спросила я.

— Первый — вчера, для полиции. Второй — сейчас, чтобы вы перестали спрашивать, не перепутала ли я день.

Она не пыталась доказать, что произошло невозможное. Хотела сохранить право на собственную память. Павел записал время получения обоих снимков и не попросил переслать весь телефон.

Билет лежал в прозрачном пакете на столе. На лицевой стороне стояли номер рейса и место четырнадцать. На обороте — две отметки четверга: посадка в 11:12, прибытие в 16:44. Бумага была мягкой от того, что Ирина долго держала

её в руке. Ни цифры, ни волокна не исчезали, когда я отводила взгляд.

— Сверил с оборудованием, — сказал Павел. — Считыватель на исходной платформе печатает только первую отметку. В Лесном такой модели нет.

— А вторую кто поставил?

— Пока никто из тех, кого я смог найти.

Он открыл фотографии двух штампов под увеличением. Оттиски были одинаковыми, вплоть до маленького повреждения в углу рамки. Один прибор отметил и отправление, и прибытие, хотя оставался у нас.

Я хотела спросить, означает ли это, что сам билет ездил без Ирины. Павел уже приготовил пустую строку для версии.

— Не записывай пока, — сказала я. — Это только красивая мысль.

— Именно красивые обычно приходится записывать первыми. Потом никто не признаётся, что они у него были.

Он внёс её в колонку «предположения» и оставил графу доказательств пустой.

Мы спустились в центр к Матвею. У него были журналы вчерашних рейсов. Автобус с исправным подъёмником, которым мы отправили Марину и Ирину в смоделированном дне, сегодня стоял у другого перевозчика. Вчера он не приезжал к нашим воротам. Его водитель показал запись тахографа и не понимал, зачем мы спрашиваем.

— Значит, часть дня взята из доступных вариантов, —

сказал Матвей.

— Или из вчерашнего расписания этого перевозчика, — ответил Павел. — Он мог приехать. Но не приезжал.

Матвей кивнул, приняв поправку. Делать это он умел так легко, что иногда я забывала, сколько решений за день всё равно проходило через него.

Вера принесла документы по двум новым автобусам. Наши действия в реальности сдвинули заявку: поставщик назначил дату обучения механиков и предварительное окно доставки. Окончательного подтверждения ещё не было.

— В том дне письмо уже обещало поставку, — сказала я.

— В том дне вы успели выполнить больше, — ответила Вера. — Здесь нам придётся дойти самим.

Она поставила перед нами список: подготовить место для приёмки, проверить высоту ворот, обучение подъёмнику, запасные части и ответственность за первые неисправности. Ни одного таинственного пункта. Работа, которую полгода откладывали, потому что каждый отдел считал, что её начнёт другой.

Лида спросила, может ли Ирина оказаться среди пассажиров следующего смоделированного дня. Матвей посмотрел на билет.

— Не знаю, что удержало её внутри. Возможно, её реальный маршрут и тот маршрут совпали в одном месте.

— Где именно? — спросила я.

— Это нужно выяснить до следующего случая.

— Следующий может начаться без нас.

Он не ответил.

— Можно заранее назначить людей, которые будут вне него? — спросила Яна. — Чтобы утром было с кем сравнить день.

— Вы не знаете, кого он выберет, — сказал Матвей.

— Выберите вы, — предложила Лида. — Того, кто не работает с нами и не видит карты.

Матвей посмотрел на неё, словно она предложила оставить часть работы без диспетчера.

— Тогда мы передадим постороннему сведения о маршрутах и пассажирах.

— Не сведения. Вопрос, который он задаст нам утром. И ответ, известный только ему.

Дэн предложил использовать завтрашний результат спортивного матча, но Павел возразил: результат можно найти в любой версии дня. Яна сказала, что нужен случайный вопрос, придуманный человеком уже после нашего ухода. Мы не успели договориться, кто им станет. Сам спор был полезен: раньше мы искали способ войти в такой день подготовленными, теперь искали человека, который не войдёт вместе с нами.

После обеда я занесла билет в журнал наблюдений. Руководитель попросил отметить, кто имеет к нему доступ. Ирина разрешила нам хранить его до конца проверки, но не публиковать снимки и не показывать другим сотрудникам без

её согласия.

— Это не мешает расследованию? — спросил Дэн.

— Мешает, — сказал Павел. — Поэтому я и записал ограничение.

Вечером поставщик прислал техническую карточку одного из новых автобусов. Я открыла её только потому, что Софья попросила сравнить размеры с въездными воротами.

На снимке был обычный белый автобус без опознавательных знаков. Я увеличила нижний угол фотографии и увидела металлическую накладку у второй ступени. На ней не хватало одного винта.

Та же накладка дребезжала у меня под ногами, когда я помогала Марине подняться в автобус во время дня, которого не было.

Карточку изготовили две недели назад. Автобус ещё не приезжал в наш город.

Я показала фотографию Софье.

— Винт отсутствует, — сказала она. — Поставщику напишу.

Она не спросила, откуда я знала, где искать. Её занимало то, как принять машину без недостающей детали.

Я открыла запись в журнале и добавила к фотографии вопрос, на который пока не было ответа: мы увидели будущий автобус или пространство выбрало тот, который уже собиралось нам показать?

Глава восьмая

До звонка

В понедельник я услышала, как водитель говорит о тормозах, за две минуты до его звонка.

Я стояла возле шкафа с пропусками. Через стекло была видна погрузочная площадка, но водитель находился за зданием. Его голос прозвучал рядом с моим ухом:

— На уклоне не держит. Я не выпущу её с людьми.

Я обернулась. Рядом никого не было.

Водителя я узнала по интонации. Алексей обслуживал короткие рейсы до посёлков. Утром он спорил с диспетчером из-за задержки машины и сказал, что ему нужно успеть за детьми после смены.

Я позвонила на пост технического осмотра.

— Алексей сейчас у вас?

— Подъезжает. Что передать?

Я могла сказать: «У него не держит тормоз». Тогда люди получили бы готовый вывод раньше, чем кто-либо проверил автобус.

— Попросите его отдельно проверить стояночный тормоз на уклоне. И сообщите результат до выпуска.

Через две минуты Алексей позвонил сам. Фраза прозвучала слово в слово, включая «её» вместо «машину». Я слушала второй раз и уже не знала, слышу ли настоящий голос отчётливее первого.

Технический осмотр подтвердил неисправность. Автобус сняли с маршрута. Пассажиров предупредили о задержке, Лида нашла замену. Никакой аварии не произошло.

Алексей вернулся в диспетчерскую сердитым. Он не возражал против осмотра, но хотел знать, кто успел сообщить о неисправности раньше него.

— Я ещё только ставил машину на уклон, — сказал он. — Если вы знали, почему дали мне в неё сесть?

Вопрос оказался труднее обычного объяснения о странных способностях. Я рассказала ему, что слышала его голос и попросила проверку. Не стала говорить, что слышала будущее. Он посмотрел на меня, затем на Матвея.

— Если в другой раз услышите, что я поехал, позвоните мне самому. Я должен иметь возможность остановить автобус до того, как кто-то решит это за меня.

Я записала его номер не как ещё один источник сигналов. Как человека, который сидит за рулём и отвечает за последствия наших проверок.

Замена пришла с опозданием. Лида объяснила людям причину без имени водителя. Несколько пассажиров ушли на другой рейс, остальные дождались. На экране Офиса задержка стала жёлтой строкой; в автобусе она означала, что

мужчина на заднем сиденье пропустит приём у врача. Дэн помог ему предупредить клинику. Никакое раннее предупреждение не отменяло цену безопасного решения.

Матвей назвал это полезным предупреждением.

— Если вы слышите раньше, нам нужна процедура для таких сигналов.

— Процедура есть, — сказала я. — Проверить до отправления.

— Можно направлять проверку точнее.

Он не предлагал отменить техосмотр. Только сократить время поиска, и потому спорить было трудно.

Павел попросил меня восстановить услышанное без записи реального звонка. Я записала фразу на бумаге, указала время и то, где стояла. В графе «источник» поставила знак вопроса.

— Водитель, — сказал Матвей.

— Водитель произнёс её позже, — ответил Павел. — Раньше могло быть что угодно, включая воспоминание о том, что мы только что услышали.

— Вы оба его слышали, — вмешалась Яна.

— Второй раз — да. Первый — только Алина.

Это разделение не уменьшало сделанного нами. Автобус остался на стоянке. Но оно не позволяло превратить удачу в право заранее знать чужие слова.

В обед я ушла из диспетчерской и села у окна столовой. Шум там был обычным: тарелки, кофемашина, разговоры о

сменах. Я слышала каждую фразу целиком и не пыталась выделить одну среди других.

Дэн принёс два стакана воды.

— Тебе не нужно всё время находиться рядом с площадью, — сказал он.

— Я и не нахожусь.

— Ты уже три раза посмотрела на въезд.

Я хотела возразить, но снова посмотрела туда. На улице механик открыл боковую панель автобуса. Его губы двигались, хотя здесь нельзя было слышать слов.

Внутри у меня появилось желание приблизить звук, как увеличивают фотографию пальцами. Я сжала стакан и оставила панель просто панелью.

— Лера нормально отнеслась к тому звонку? — спросила я.

— Я сказал ей, что мне приснился разговор. Это правда в пределах того, что я знаю.

Он посмотрел на воду.

— Но во сне она сказала одну вещь, о которой мы говорили только дома. Если её можно так точно воспроизвести, я хочу знать, где заканчивается мой сон и начинается её частная жизнь.

Я не обещала выяснить. Он и не просил обещания.

Во второй половине дня слух вернулся.

Диспетчерская готовила вечерний рейс. Яна проверяла пересадку пассажиров, Павел сравнивал разрешения, Мат-

вей стоял у карты. Из угла, где располагалась отключённая гарнитура, прозвучало:

— Можно выпускать. Всё исправно.

Голос был Алексея. Я увидела его во дворе: он стоял возле автобуса, который утром сняли с маршрута, и разговаривал с механиком. Оба смеялись.

— Проверка закончена? — спросила я Софью.

— Нет. Ждём деталь.

— Я слышала, как он сказал, что всё исправно.

Она позвонила ему при мне. Алексей удивился.

— Я сказал, что завтра, возможно, исправим. Сегодня автобус без детали не трогаем.

Отдалённый смех был настоящим. Фраза — нет. Или ещё не была.

Я записала оба варианта, не выбирая один. Тогда Яна подошла с маршрутом и спросила, может ли вечерняя группа принять семерых пассажиров с пересадкой.

Я видела, как она говорит. Слышала голос Алексея, повторявший «всё исправно», и не разобрала её вопроса.

— Алина?

— Повтори, пожалуйста.

Она повторила. На этот раз я закрыла глаза и намеренно слушала только человека рядом.

Семеро пассажиров получили подтверждённую пересадку. Но Яна задержалась у моего стола.

— Утром твой слух помог остановить машину, — сказала

она. — Сейчас я могла бы спросить что-нибудь важнее, и ты бы кивнула, не услышав.

— Знаю.

— Тогда запиши и это последствие.

Матвей предложил выделить для меня отдельную комнату, где не мешал бы общий шум. Он показал помещение возле прохода между зданиями. Дверь закрывалась плотно, на стене имелась кнопка связи, а сквозь окно было видно обе диспетчерские.

Я вошла внутрь на минуту. Звуки стали яснее. Где-то внизу водитель называл номер платформы, женщина у склада просила воды, Павел листал бумагу на другом этаже. Мне не приходилось выбирать: всё доходило само.

— Здесь легче? — спросил Матвей через открытую дверь.

— Да.

Я вышла и закрыла её снаружи.

— Поэтому пока не буду здесь работать.

Он не настаивал. Только проверил, что кнопка связи с комнатой отвечает, и внёс помещение в список доступных рабочих мест.

Когда мы уходили, я снова слышала голос Алексея. На этот раз он не говорил о тормозах.

— Она сама попросит вернуться, — сказал он.

Во дворе Алексея не было, он уже уехал домой.

Глава девятая

Общий голос

Утром вторника мы все услышали одно и то же предупреждение.

Я находилась в Офисе, Яна — у пассажирских платформ, Павел проверял поставку на складе. В разных местах одновременно прозвучал спокойный женский голос:

— Не открывайте четвёртые ворота.

Не объявление через громкую связь. Я слышала его возле левого уха, Яна — как звонок в гарнитуре. Павлу показалось, что слова произнесла стоявшая рядом Софья, хотя она в этот момент молчала.

Через минуту к четвёртым воротам подъехал рефрижератор с медицинским грузом. Он опаздывал, холодильная установка работала с перебоями. Водитель просил открыть проезд немедленно.

Я спустилась во двор. Яна уже стояла возле Лиды. Павел говорил с водителем, сверяя температуру на автономном приборе. Матвей подошёл последним и сразу увидел, что ворота закрыты.

— Кто остановил въезд? — спросил он.

— Пока никто, — ответила Лида. — Я не успела ни подтвердить, ни запретить.

— Мы слышали предупреждение, — сказала Яна. Матвей посмотрел на нас по очереди.

— Все трое?

— Одни слова. Разный звук, — сказал Павел.

— Значит, ворота не открываем.

Он произнёс это так, будто получил три независимых сообщения. Я вспомнила голос Алексея и посмотрела на рефрижератор. Температура внутри приближалась к верхней допустимой границе.

Водитель опустил стекло кабины.

— У меня резервного питания на двадцать минут, — сказал он. — Если вы держите ворота закрытыми из-за проверки документов, скажите прямо. Я поеду в другой центр.

Софья показала ему исправные бумаги. Причина ожидания была другой, но сказать «мы слышали голос» значило попросить поверить в то, чего он не испытывал. Я сообщила, что проверяем безопасность четвёртого проезда и готовим третий. Он согласился ждать пять минут, если ему назовут человека, который принимает решение после этого срока.

— Я, — сказала Лида.

Матвей повернулся к ней. Она отвечала за пассажирские платформы, но сейчас вызвалась держать время для чужого груза. Софья сразу добавила, что решение о сохранности груза останется за ней. Они разделили один вопрос на две

части, пока мы ещё не знали, почему нельзя открывать ворота.

— Проверим сами ворота и соседний проезд, — сказала я. — Водитель не должен ждать, пока мы поймём, кто с нами говорил.

Лида позвонила охране. По её просьбе никто не открывал четвёртые ворота, но третьи освободили от тележек. Софья сверила накладную и убедилась, что склад может принять груз через них. Павел попросил техника проверить датчик у четвёртых.

Техник нашёл препятствие в механизме створки: узкую металлическую планку, оставшуюся после ремонта. Если открыть ворота полностью, она могла попасть под колесо машины или заклинить створку на проезде.

Планка не выглядела опасной. Техник положил её на ладонь: чуть длиннее моей скрепки, с заусенцем на одном конце. На схеме ворот такой детали вообще не было. Он попросил никого не подходить к механизму, пока сам не снимет остаток крепления.

— Если бы мы открыли на половину, она бы не помешала? — спросил Матвей.

— Возможно. А потом грузовик пришлось бы остановить между створками, чтобы это проверить.

Матвей посмотрел на свободные третьи ворота и больше не предлагал половинного открытия.

— Предупреждение было правильным, — сказал Матвей.

— Мы выяснили, почему, — ответила Яна.

Рефрижератор въехал через третьи ворота. Софья начала разгрузку прежде, чем температура вышла за предел. Водитель вытер лицо рукавом и сел на ступеньку кабины. Он так и не услышал предупреждения.

Мы проверили громкую связь, гарнитуры и журнал служебных объявлений. Записи не было. Женского голоса никто вне нашей группы не слышал. Софья сказала, что возле Павла не говорила ни слова.

— Но он был полезен, — сказал Матвей.

— Да, — ответил Павел. — Это не отвечает на вопрос, откуда он взялся.

Вера принесла журнал ремонта ворот. Планку должны были снять вчера вечером. Задача значилась выполненной; имя исполнителя было указано, но время окончания появилось сегодня утром — за двадцать минут до предупреждения.

— Возможно, он забыл закрыть работу вовремя, — сказала Вера.

— Спросим его, — предложила Яна.

Рабочий объяснил, что отвлёкся на вызов и не закончил демонтаж. Отметку в журнале он не ставил. После разговора вышел во двор, увидел планку и молча снял её. Он не оправдывался.

Матвей хотел сразу исправить статус. Вера остановила его:

— Сначала отметим, что завершение появилось без ис-

полнителя. Иначе завтра это будет выглядеть как обычная просроченная задача.

Матвей дал ей доступ. Она внесла обе записи, оставив происхождение первой открытым.

В обед мы собрались впятером в отделе восстановления. Руководитель пришёл из Офиса, Матвей — из центра; на столе оказалось больше людей, чем кресел. Дэн стоял у окна и следил за въездом, где уже починили четвёртые ворота.

— Три человека получили предупреждение, — сказал руководитель. — Что оно нам доказало?

— Что четвёртые ворота нельзя было открывать, — ответил Матвей.

— Это доказала планка, — заметил Павел. — Предупреждение помогло её искать.

— Если бы ждали планку перед каждым закрытием, мы бы остановили центр.

— Мы не ждали. Проверяли два варианта въезда одновременно.

Матвей повернулся ко мне. Раньше я почти всегда становилась между ними, стараясь найти формулировку, с которой согласились бы оба.

— Утром, — сказала я, — я бы не открыла ворота до проверки. Но если бы третьих не было, нам всё равно пришлось бы решать, что делать с грузом. Голос не принял бы цену за нас.

Руководитель записал это в журнал без названия правила.

Яна добавила, что согласие троих не делало источник троекратным. Павел начертил одну линию, от которой отходили три стрелки к нашим именам.

— Мы не знаем, одна она или их три, — сказал Дэн.

— Именно поэтому пока рисуем одну, — ответил Павел.

Мы проверили самый простой способ опровергнуть нашу версию. Вера находилась в тот момент у другого конца склада и не слышала слов. Охранник возле четвёртых ворот тоже не слышал. Они видели, как мы начали действовать, но узнали причину уже от нас. Разговоры между нами не успели бы достигнуть всех троих в одну секунду.

— Может, у нас общий канал из-за перехода, — сказал Дэн.

— А может, кто-то обращался только к тем, кто привык отвечать, — сказала Яна.

Она не смотрела на Матвея. Он всё равно поднял голову.

К концу смены воротами снова пользовались. Планку сохранили в пакете, отчёт о температуре отправили получателю. День мог закончиться обычным числом закрытых заявок.

Но в 18:10 в комнате между зданиями включился экран, который Матвей утром называл свободным рабочим местом. Он не был подключён к нашей общей карте.

Я увидела на нём схему двух корпусов и время: 06:40.

Под временем находились пять пустых строк для имён. Четыре заполнились, пока мы стояли у двери: моё, Яны, Пав-

ла и Дэна. Пятая оставалась пустой.

Матвей подошёл сзади.

— Он ещё не начался, — сказал он.

— Что?

— Следующий день.

Экран погас. На стуле внутри комнаты лежал бумажный пакет Ирины, которого минуту назад там не было.

Глава десятая

Пакет

Матвей первым потянулся к бумажному пакету.

— Подожди, — сказала Яна.

Он убрал руку. Пакет стоял на стуле так ровно, словно кто-то только что поставил его и вышел за водой. Обычный коричневый, с закрученными бумажными ручками. На правом углу темнело пятно от яблочного сока.

Я помнила это пятно. В автобусе смоделированного четверга Ирина положила пакет на колени и прикрыла его ладонью, когда я подошла слишком близко. Тогда я ещё не знала, что можно помнить день, которого не было.

— Может, она возвращалась? — спросил Дэн.

— Охранник бы записал, — ответил Павел.

— Он не записал и первого её появления.

Мы не стали сразу открывать пакет. Павел сфотографировал его на стуле, записал время и попросил Веру проверить доступ в помещение. Замок служебной комнаты открывали сегодня дважды: утром Матвей и после обеда техник, который осматривал вентиляцию. По камере коридора с тех пор никто не входил.

— Камера смотрит только на дверь, — сказала Вера по телефону. — Окно я отсюда не вижу.

Окно комнаты выходило во двор между корпусами. Оно было закрыто изнутри. На подоконнике лежала пыль, нарушенная только возле вентиляционной решётки. Сквозь неё бумажный пакет не пролез бы.

Дэн достал телефон.

— Позвоню Оксане. Если Ирина опять исчезла, нам лучше узнать сейчас.

Он вышел в коридор. Я стояла возле пакета и чувствовала запах яблок, хотя он был закрыт. Яна тоже принялась.

— Ты чувствуешь? — спросила я.

— Бумагу. Может, немного фруктов. Это не проверка.

Она была права. Три голоса предупреждали нас о воротах и всё же могли принадлежать одному источнику. С запахом ничего не менялось.

Дэн вернулся, держа телефон перед собой. На экране были Ирина и её дочь. Ирина сидела за кухонным столом в Лесном. Красный шарф висел на спинке стула.

— Она здесь, — сказала Оксана. — Хотите, я покажу часы?

— Не нужно, — ответил Дэн. — Простите за поздний звонок.

— Опять что-то с автобусом?

Ирина прищурилась, разглядывая нас. Я не хотела показывать ей пакет как угрозу. Но решить за неё, что ей знать,

было бы ещё хуже.

— У нас появилась вещь, похожая на вашу, — сказала я.
— Вы можете посмотреть на свой пакет?

Она поставила телефон к сахарнице и вышла из кадра. Вернулась с коричневым пакетом. На его боку была синяя надпись аптеки, внизу просвечивала коробка лекарства.

— У меня он, — сказала Ирина. — Вы думали, опять потеряла?

Я показала ей тот, что стоял на стуле.

Она замолчала.

— Такой у меня был в автобусе, — сказала она наконец.
— Я купила яблоки возле вашей станции. Мне казалось, что купила. Оксана говорит, у неё дома я появилась с лекарствами и без яблок.

— Вы помните, где именно купили их?

— У выхода на посадку стояла женщина с ящиком. Она сказала, что это последние. Я взяла три.

Лида, стоявшая в дверях, покачала головой. Торговля на пассажирской платформе была запрещена. В смоделированном дне я тоже видела женщину с ящиком и тогда не обратила внимания.

— Мы можем открыть пакет? — спросила я.

Ирина посмотрела на дочь.

— Открывайте. Только если там будут яблоки, не говорите, что я обязана их помнить.

Павел надел тонкие рабочие перчатки. В пакете лежали

три яблока, одно с надорванной кожицей. На дне — узкая бумажная полоска, похожая на чек из кассового аппарата.

«Пассажир: И. Резник. Посадка не завершена».

Даты не было. В графе места стоял прочерк. Ниже было напечатано: «Возврат к точке входа допускается при сохранении личного предмета».

— У неё в настоящем пакете лекарства, — сказала Яна.

— Здесь яблоки, которые она помнит из того дня.

— Значит, день оставил нам предмет, — сказал Матвей.

— Или кто-то его изготовил, — ответил Павел. — Пока мы знаем только, что он здесь.

Я перевернула полоску. На обороте проступали слова, которые кассир обычно печатает о скидке: «Доступное место: 1». Пятая строка на погасшем экране тоже была одна.

Я не произнесла этого вслух. Судя по лицу Яны, ей пришло в голову то же самое.

Ирина всё ещё была на экране.

— Если вам понадобится спросить меня о том дне, звоните, — сказала она. — Но я больше никуда не поеду, чтобы выяснить, как работала ваша машина.

— Мы вас не просим, — ответила я.

Оксана взяла телефон. Разговор закончился после её второго вопроса, точно ли мама не должна никуда приезжать. Дэн сказал: точно.

На экране в комнате снова появились четыре имени. Последнее поле оставалось пустым. Внизу мигала строка:

«Участник доступен».

Матвей посмотрел на чек.

— Это может быть возможность вернуть Ирине то, что у неё отнял первый день.

— Она только что сказала, что не приедет, — заметила Яна.

— Я слышал. Я говорю о возможности.

— А экран о доступности, — сказал Павел. — Для него это не одно и то же.

Я положила чек рядом с пакетом и подошла к панели. Под пятым полем было место для имени. Клавиатура не появилась, когда я коснулась стекла. Зато рядом с именами четырёх участников зажглась общая кнопка: «Продолжить».

— Нас уже записали, — сказала я.

— Можно выйти из комнаты, — предложил Дэн.

Мы вышли. Экран оставался виден сквозь стекло. В 18:14 он погас, а пакет никуда не исчез.

Лида предложила убрать его в запираемый шкаф до утра. Павел оформил приём так же, как оформлял найденный предмет пассажира: без имени владельца, с фотографией содержимого и двумя подписями. Яна отвела яблоки в сторону, потому что до утра они могли испортиться. Никто не предложил их попробовать.

Уже дома я получила сообщение от Ирины. Оксана помогла ей напечатать:

«Ту женщину с яблоками я раньше видела. Не на станции.

Во сне накануне поездки. Может, это ничего не значит».

Я перечитала строку и не стала спрашивать, как выглядела женщина. Ирина не просила продолжать разговор.

В 22:06 Павел прислал фотографию шкафа. Пломба была цела. Под ней лежал пакет с яблоками.

На снимке из-под его бумажного края виднелся уголок чека. Там, где вечером значилось «Посадка не завершена», теперь было напечатано:

«Место освобождено».

Глава одиннадцатая

Пятый участник

Утром я проснулась от сообщения, которого ещё не было.

Телефон лежал экраном вниз. Я знала слова прежде, чем перевернула его: «Приёмка через сорок минут. Найдите второго водителя».

Сообщение прислала Лида. На часах было 06:40, среда. Вчера вечером Матвей говорил, что поставщик ещё не назначил дату отправки новых автобусов. За ночь она не могла превратиться в сегодняшнюю приёмку.

Я позвонила Яне. Она сняла трубку после первого гудка.

— Я тоже здесь, — сказала она.

— Где?

— Дома. И, похоже, опять в четверг, который называется средой.

В ванной работала вода. Мама разговаривала с сестрой на кухне. Я потрогала стену и холодный край раковины. Они были настоящими настолько, насколько я умела отличать настоящее.

В 07:12 мы встретились перед вторым зданием. Павел принёс лист с правилами, написанный ночью: никого не во-

влекать по отсутствующему согласию, назвать границу задачи, после возвращения перепроверить каждое действие. Дэн принёс термос.

— Ты всегда берёшь с собой чай на неизвестный день? — спросила Яна.

— Во второй раз — да.

На табло подъезжали два новых автобуса. Водители вели машины медленно, за ними шёл грузовой автомобиль с запасными частями. Марат стоял у въезда и разговаривал по телефону. Его лицо было привычным; за неделю мы научились узнавать, когда он ещё слушает собеседника, а когда уже ищет, кому передать проблему.

— Учить подъёмникам сегодня некому, — сказал он нам. — Инструктор едет с машинами, но его документы не проходят у Веры.

Матвей вышел из боковой двери. На пропуске у него стояло сегодняшнее число. Он смотрел на нас без удивления.

— Я помню вчерашний пакет, — сказал он. — И время на экране. Сейчас я внутри дня вместе с вами.

Павел показал ему лист.

— Нас четверо. Пятое место было свободно. Ты согласен участвовать, понимая, что этот день может закончиться и начаться снова?

— Уже участвую.

— Это не ответ, — сказала Яна.

Матвей прочитал лист до конца и поставил подпись. Па-

вел проверил время: 07:19. Подпись осталась на бумаге, хотя в первый раз мои заметки не пережили возвращения.

В комнате между корпусами экран показывал пять имён. Рядом с пятым было написано «Матвей Орлов». Под списком появилась граница: «Завершение: два автобуса приняты в работу».

— В работу? — переспросила Лида, когда мы рассказали ей. — До конца дня не успеем даже обучить смены.

Она не видела надпись. На её экране были обычные приёмочные акты. Мы могли бы спросить, помнит ли она прошлый день, но перед нами стояли две машины и вопрос, который не ждал объяснений.

Первый автобус был готов к осмотру. Подъёмник выдвигался ровно, поручни держались крепко. Второй выглядел так же, только возле крепления платформы не было маленького винта. Я узнала пустое отверстие по фотографии поставщика, которую рассматривала несколько дней назад.

— Винт отсутствовал ещё до отправки, — сказала я.

Техник провёл ногтем по краю.

— Тут не винт. Транспортировочная заглушка. Без неё механизм можно проверить пустым, с нагрузкой нельзя.

Матвей уже разговаривал с поставщиком.

— Запасные части в машине сзади. Через двадцать минут всё будет на месте. Первый пускаем на линию, второй готовим.

— Первый ещё никто не принял, — сказала Лида.

— Подъёмник работает.

— Я просила показать, кто закрепит кресло.

На площадке ожидали пассажиры. Один из старых автобусов отменили из-за неисправного отопления. Женщина с тростью стояла возле скамейки, но не садилась: если сядет, ей будет трудно встать до посадки. Мужчина спросил, когда им скажут правду о времени отправления.

Я хотела ответить, что первый автобус готов. Слово «готов» уже собиралось во рту, хотя я не знала, кто проверял его под нагрузкой.

Дэн подошёл к женщине с тростью и спросил, какое ожидание ей легче: здесь, где холодно, или внутри здания, откуда можно видеть табло. Она выбрала здание. Он не обещал ей автобус через двадцать минут.

К десяти часам запасные части выгрузили. Вера сверила документы инструктора: печать на допуске относилась к другому типу подъёмника. Это могло быть исправимой ошибкой, но сейчас учить наших водителей он не имел права.

— Два автобуса, одна исправленная деталь и ни одной обученной смены, — подвёл итог Павел.

— У нас есть Марат, — сказал Матвей. — Он работал с похожими машинами.

Марат услышал своё имя и сам подошёл.

— С похожими. Не с этими. Могу показать, как не пользоваться подъёмником до инструктажа.

Матвей сердито выдохнул.

— На табло люди ждут рейса, а вы защищаете формулировку.

— Они ждут рейса, который сможет их довезти, — ответила Лида.

Экран над въездом загорелся зелёным: «Два автобуса приняты в работу». Мы ещё не подписали акт. На площадке прозвучало объявление о посадке в первый.

Люди потянулись к дверям. Я вдруг услышала знакомый голос Ирины: «Мне нужно к дочери». Он доносился со стороны салона. Я посмотрела сквозь стекло. На третьем ряду лежал бумажный пакет.

— Там Ирина, — сказала я.

Дэн поднялся по ступеням. Место было пустым. Пакета не было. Он вернулся и посмотрел на меня без вопроса.

— Я слышала её, — сказала я. — Это не причина отправлять автобус и не причина его задерживать. Лида, что ты видишь?

— Посадку объявили без моего разрешения. Сейчас остановлю.

Она попросила водителя закрыть двери и вернула пассажиров в зал ожидания. Не все согласились спокойно. Мужчина, спрашивавший о времени, назвал нас некомпетентными. У него были основания.

Матвей показал на зелёную строку:

— Если принять машины, завершится день. В настоящем мы проверим документы и всё сделаем правильно.

— В первый раз день закончился, хотя Ирина не доехала,
— сказала Яна. — Тогда тоже была зелёная строка.
— Она доехала позже.
— После того как мы не поверили строке.

Матвей посмотрел на пассажиров за стеклом. Ему хотелось вывести их из ожидания. Мне тоже. Для этого требовалось отказаться от удобного окончания.

Лида отменила объявление. Павел внёс замечания по обещаниям машинам, отдельно указав неисправность второго подъёмника и неподтверждённое обучение. Дэн организовал рейс на исправном старом автобусе, чтобы люди не ждали решения по новому парку. Я помогла женщине с тростью дойти до него. Она сердито сказала, что ей обещали новый автобус.

— Да, — ответила я. — Слишком рано.

К полудню второй автобус стоял с установленной заглушкой. Документы инструктора обещали прислать завтра. На экране отдела приёмки зелёная строка сменилась жёлтой: «Эксплуатация отложена».

Ничего не закончилось.

В 16:40 из комнаты между зданиями пришло сообщение: «До границы осталось двадцать минут». Текст не объяснял, что будет на границе. Яна предложила обозначить результат самим: машины получены, но не допущены к перевозке; пассажиров доставили другими рейсами; инструктор нужен завтра.

Мы записали это в пяти экземплярах и прочитали вслух.

Матвей первым признал, что его предложение выпустить автобус было преждевременным. Марат проверил, что ключи обеих машин у него и никто не поставил их в расписание.

В 17:00 табло погасло.

Я открыла глаза дома. Телефон показывал среду, 06:40. На кухне мама открывала тот же шкаф. Никаких новых автобусов за окном быть не могло.

В рабочем чате уже было сообщение Матвея:

«Я помню, что подписал лист. Подпись со мной не вернулась».

Через минуту Павел ответил:

«Проверять будем сейчас. В этом дне поставка всё ещё не назначена».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.